

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОСАДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ В РУССКИХ ГОРОДАХ 1720–1770-Х ГОДОВ: по материалам выборов в магистраты

Д.В. Гущина

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения поведения посадских жителей, избравших членов магистратов в русских городах, сквозь призму понятия «электоральная культура». Хронологические рамки исследования охватывают период от основания магистратов в 1720-х гг. и до областной реформы 1775 г. Автор рассматривает правомерность применения этого понятия в историческом контексте, выявляя его методологические сложности и специфику. В статье рассматриваются такие элементы электоральной культуры посадских жителей, как выборная активность и компетентность, а также взаимоотношения с властью в рамках избирательного процесса. Автор приходит к выводу о значительном разбросе показателей выборной активности в разных городах. Рассматривая вопрос электоральной компетентности посадских выборщиков, автор заключает, что уровень понимания посадскими жителями (по крайней мере наиболее активными их группами) специфики выборного процесса и связанных с ним механизмов государственной власти был достаточно высок. Магистратские выборы выполняли не только свою прямую функцию, но и становились инструментом в стратегиях посадских жителей. С их помощью посадская община обеспечивала себе коммуникативный канал для информирования власти о тех трудностях, с которыми сталкивались тяглецы.

Ключевые слова: городское управление, магистраты, городская реформа, посадская община, стратегии поведения, электоральная культура, электорат.

Для цитирования: Гущина Д.В. Электоральная культура посадских жителей в русских городах 1720–1770-х годов: по материалам выборов в магистраты // Преподаватель XXI век. 2023. № 2. Часть 2. С. 245–254. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-2-245-254

245

ELECTORAL CULTURE OF TOWNSPEOPLE IN RUSSIAN CITIES IN THE 1720S–1770S: Based on Materials of Elections to Magistrates

D.V. Gushchina

Abstract. The article attempts to examine the behavior of the suburban residents, who elected members of the magistrates in Russian cities, through the prism of the concept of «electoral culture». The chronological limits of the research cover the period from the foundation of the magistrates in 1720th till the regional reform in 1775. The author examines the appropriateness of this notion in the historical context, revealing its methodological difficulties and specifics. The article deals with such

© Гущина Д.В., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

elements of electoral culture of the suburban residents, as electoral activity and competence, as well as the relationship with the authorities in the framework of the electoral process. The author concludes that there is a significant variation in the indicators of electoral activity in different cities. Considering the issue of electoral competence of suburban electors, the author concludes that the level of understanding by suburban residents (at least by their most active groups) of the specifics of the electoral process and related mechanisms of state power was quite high. Magistrate elections fulfilled not only their direct function, but also became a tool in the strategies of the suburban residents. With their help, the suburban community provided itself with a communication channel for informing the authorities about the difficulties faced by the taxpayers.

Keywords: city government, magistrates, city reform, townspeople community, behavior strategies, electoral culture, electorate.

Cite as: Gushchina D.V. Electoral Culture of Townspeople in Russian Cities in the 1720s–1770s: Based on Materials of Elections to Magistrates. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education, 2023, No. 2, part 2, pp. 245–254. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-2-245-254

Первые три четверти XVIII в. являются особым этапом в развитии управления русских городов. Именно на этом этапе впервые была воплощена идея выборных учреждений городского управления, подчиненных не местным властям, а единому центральному органу, обеспечивающему сословный суд для посадских жителей. Наиболее полно и последовательно эта идея воплотилась в городских магистратах. Эти учреждения были созданы в 1722–1723 гг. под руководством Главного магистрата и просуществовали до 1728 г., затем были заменены менее затратными для казны ратушами. Однако в 1743 г. магистраты были восстановлены императрицей Елизаветой Петровной практически в том же виде, в каком они существовали при ее отце, после чего функционировали почти без изменений вплоть до областной реформы 1775 г.

В ведении магистратов находилось не все население городов, а лишь посадские тяглецы. Государственная власть возлагала на эти учреждения в основном фискально-административные обязанности, однако при этом им были предоставлены широкие судебные полномочия в

отношении посадского населения: из компетенции магистратов изымались лишь «великие государственные дела» [1]. Также на магистратских служителях лежала ответственность за разнообразные сборы и платежи.

Процедура выборов в эти учреждения определялась Регламентом Главного магистрата, который оставлял за этим центральным учреждением последнее слово в утверждении предложенных посадками кандидатов. Служба в магистратах предполагалась как бессрочная, т. е. пожизненная: служитель мог быть уволен от дел лишь по решению Главного магистрата ввиду каких-либо причин, таких как одиночество, впадение в убожество, старость, болезни или же серьезные нарушения во время службы.

Богатую информацию о выборах в городские магистраты содержит фонд Главного магистрата Российского государственного архива древних актов [2]. Данное исследование основано на выборных документах 33 городов Европейской России.

Итак, государственная власть рекрутировала в низшее звено управления

служителей из числа тяглых городских жителей, возлагая выбор в должности городского управления на посадские общины. Однако насколько сами тяглецы были готовы к возложенной на них государством ответственности? Как они воспринимали выборный процесс и свою роль в нем? Насколько они были компетентны для участия в выборах? Весь комплекс знаний и мировоззренческих установок, затронутый в этих вопросах, входит в единое понятие электоральной культуры.

С одной стороны, использование этого понятия для рассмотрения городских выборов XVIII в. позволяет выявить особый срез политической культуры посадских жителей, однако изучение электоральной культуры в исторической перспективе таит в себе определенные сложности. Само понятие электоральной культуры было разработано, прежде всего, для изучения современных избирательных процессов, которые коренным образом отличаются от выборных процессов XVIII в. Так, А.И. Куприянов указывает на такие существенные отличия, как отсутствие политических партий и средств массовой коммуникации [3].

Само понятие «электорат» вошло в русский лексикон во второй половине XIX в. для описания политических категорий той эпохи. Со временем содержание термина менялось, отражая коренные изменения в соответствующих процессах: от близкого к понятию «курфиршество», как оно трактовалось в XIX — начале XX вв., до современного понятия «электорат» [4, с. 7]. На данный момент существует широкий спектр определений этого понятия. Так, в Кратком политологическом толковом словаре дается сразу два варианта определения: «Население, формирующее власть в результате выборов; круг избирателей, которые голосуют за определенную партию

на парламентских, президентских или муниципальных выборах» [5, с. 434]. При этом если первая часть позволяет включать в объем понятия «электорат» посадских выборщиков XVIII в., то вторая моментально такую возможность отсекает, подчеркивая именно современные условия процесса выборов. Весьма жесткие рамки для определения понятия «электорат» ставит А.И. Бардаков. Необходимым признаком данного понятия ученый считает единство гражданского статуса индивидов [4, с. 9]. Однако, обращаясь к современным российским выборным процессам, А.И. Бардаков отмечает, что группа людей, действительно формирующая органы государственной и муниципальной власти (электорат), остается весьма немногочисленной [там же, с. 11]. Мы остановимся на определении этого понятия, данном А.В. Коршуновым: «Под термином «электорат» понимается весь корпус граждан, участвующих в голосовании и обладающих правом решения политических вопросов не в силу занимаемой должности, а в связи с тем, что данные лица отвечают формально закрепленным цензам» [6, с. 14]. Таким образом, применение понятия «электорат» к посадским жителям XVIII в., выбиравшимся в магистратские чины, может считаться правомерным, но с определенными оговорками.

Исходя из всего вышеуказанного, неудивительно, что среди исследователей электоральной культуры нет единого мнения о том, как далеко во времени простирается это явление. Так, в отечественной науке существует три подхода к этому вопросу: ряд исследователей относит возникновение данного явления в России к началу XX в. [7, с. 110], некоторые ученые связывают его появление со становлением демократического общества, начиная с 1989 г. [8, с. 3–4].

Однако, несмотря на все методологические сложности решения этого вопроса, появляются и исследования, авторы которых так или иначе применяют понятие электоральной культуры к выборным процессам более раннего времени: от Древней Руси [9] и до европейского Средневековья [6, с. 10]. Электоральную культуру в русских городах XVIII в. впервые рассмотрел А.И. Куприянов, однако его исследование посвящено последней четверти столетия [10]. Существование ряда таких исследований сигнализирует об определенной потребности в применении этого понятия не только к современным, но и к историческим выборным процессам: отсекая избирательные процессы XX в. от выборов предшествующих эпох, мы теряем возможность сравнивать их, отслеживать развитие культуры выборов на длительных отрезках времени, выявлять определенную специфику и закономерности этого развития, которые, в свою очередь, могут оказывать непосредственное влияние уже на современный этап развития электоральной культуры. Тем не менее, применяя это понятие к историческим процессам, следует соблюдать предельную осторожность.

Каково же определение понятия «электоральная культура», и из чего оно складывается? Новейший политологический словарь определяет это понятие как «относительно устойчивую систему знаний, оценок и норм электорального поведения, электоральных отношений и избирательного процесса в целом». Авторы словаря также отмечают, что «определяющими для электоральной культуры являются ответственность (осознание важности и значимости выборов) и компетентность (необходимые знания, умение оценивать ситуацию) избирателей» [11].

Если мы рассматриваем это явление в историческом контексте, то ситуация

существенно усложняется. Безусловно, выборщики из посадской среды осознавали свою ответственность, однако не в смысле понимания важности и значимости выборов, хотя, как мы увидим, некоторые группы посадского населения были весьма заинтересованы в результатах выборов. В отличие от современной ситуации посадские выборщики XVIII в. несли не морально-этическую, а самую настоящую юридическую финансовую ответственность перед государством за выбранного ими служителя городского управления. Если выборный каким-либо образом нанес казне ущерб, то убытки взыскивались с выборщиков (см. указ 1699 г. от 30 января: «А буде они, бурмистры, в каком году каких его, великого государя, доходов не выберут по окладу или каких сборов чего не доберут, и то взять на тех людях на всех, которые их в бурмистры выберут») [12].

Итак, мы видим, что далеко не все критерии оценки можно с легкостью применить к системе, существовавшей в XVIII в. Тем не менее, с определенными оговорками, мы можем рассмотреть такие важные стороны электоральной культуры, как электоральная активность и электоральная компетентность [13, с. 38] посадских жителей в России XVIII в. и их взаимоотношения с властью в рамках избирательного процесса.

Электоральная активность

О степени активности выборщиков можно судить по разным критериям. В современных исследованиях одним из ключевых показателей этого элемента электоральной культуры является процент явки на выборы [14, с. 25]. А.А. Кизеветтер оценивает посещаемость посадских сходов (на которых, собственно, производились выборы) как очень

низкую. Самый высокий показатель учений обнаружил в Цивильске, где на выборах в 1744–1756 гг. средний показатель присутствующих доходил до 17% от всех наличных мужских душ [15, с. 738–739], самый низкий — в Нижнем Новгороде, где в 1740-х гг. при общем числе мужского населения посада 2340 душ, избирательные сходы посещало около 40 человек — меньше 1%. А.А. Кизеветтер, однако, оговаривается, что такого рода подсчеты не вполне корректны, поскольку в общее число душ мужского пола, определявшееся по результатам ревизии, были включены также несовершеннолетние, неимущие, отданные в рекруты, бежавшие, умершие. Разница между формальным количеством душ мужского пола, написанных за определенным посадом, и реальным числом наличных совершеннолетних дееспособных тягловцев могла быть существенной. Примером тому может послужить доношение 1744 г. президента Севского магистрата Михайлы Шереметцова, в котором он отмечает, что, хотя в Севске и числится 821 душа мужского пола по прежней (I-й) ревизии, реальных тягловцев жителей в городе всего 339 (и это вместе с малолетними, за которых подати платили старшие члены семьи) [16, д. 503, л. 34 об.].

Помимо этого, многие купцы, реально обладавшие правом голоса, могли быть на время посадского схода в отлучках по торговым делам или же просто отсутствовали из-за болезни. Таким образом, результаты подсчетов А.А. Кизеветтера следует использовать осторожно.

Не надо также упускать из виду и тот факт, что формально Регламентом Главного магистрата в круг выборщиков были включены даже не все совершеннолетние тягловцевые посадские жители мужского пола. Так, глава VI Регламента ясно указывает проводить выборы «первых

мирских людей призыв» [1]. Получается, что формальный круг тягловцев, обладавших реально юридически закрепленным правом выбора, сужается лишь до самых зажиточных купцов посада. Впрочем, реальная практика показывает, что Главный магистрат далеко не всегда придерживался этого установления и нередко утверждал выборы, в которых участвовали в том числе посадские жители третьей статьи [15, с. 753]. Таким образом, подсчет процента явки на выборные сходы существенно затрудняется, поскольку круг потенциальных избирателей в каждом конкретном случае мог быть ограничен или, напротив, расширен решением Главного магистрата, принимавшего или же отвергавшего выбор той или иной группы посадских жителей.

Если же предельно расширять этот круг до всех наличных совершеннолетних дееспособных и тягловцев членов посадской общины, то можно обнаружить значительный разброс в показателях. Так, например, в 1720-х гг. в Брянске из всех обладавших правом выбора 460 человек в выборной борьбе так или иначе участвовало 397 человек — 86% всех потенциальных выборщиков [16, д. 37]. При этом в упомянутом А.А. Кизеветтером Нижнем Новгороде, даже при пересчете с учетом указанных обстоятельств, явка едва превышает 1% от всех имевших право выбора жителей [там же, д. 338]. Таким образом, мы видим существенный разброс в явке на выборные сходы. Из этого можно сделать вывод о том, что степень заинтересованности посадских жителей разных городов в выборах и, шире, в магистратских учреждениях была порой диаметрально противоположна.

Следует отметить, что зачастую наиболее яркие всплески активности приходятся на те города, в которых вспыхивала выборная борьба, что отмечал еще А.А. Кизеветтер [15, с. 770]. При этом

центральными действующими лицами этой борьбы становились сравнительно небольшие группировки купцов, энергично вовлекавшие в противостояние остальную часть посада. Представители противоборствующих групп применяли в борьбе все возможные методы: от потока челобитных и доношений о «непорядочных поступках» [16, д. 37, л. 2 об., л. 28; д. 477, л. 68; д. 1438, л. 41 об. и др.] противников до прямого физического насилия [там же, д. 37, л. 27–27 об.; д. 700, л. 100 и др.].

Электоральная компетентность

В электоральной борьбе проявляются и две другие стороны электоральной культуры посадского населения: электоральная компетентность и взаимоотношения с властью в рамках выборного процесса. Эти два аспекта целесообразно рассматривать в рамках единого смыслового блока, т. к. результаты выборов зависели от решения центрального органа управления, и, как следствие, сам выборный процесс и в особенности конфликтные ситуации были во многом ориентированы на центральную власть. К.А. Лыткина указывает, что электоральная компетентность «характеризует особенности профильных знаний и специфику опыта принятия избирательных решений, включая степень информированности о выборах и глубину интереса к ним, знание норм избирательного права» [13, с. 38].

Однако изучение данного аспекта политической культуры посадского населения XVIII в. существенно затрудняется тем, что в распоряжении историка отсутствуют те инструменты диагностики, которыми располагает политологическая наука. Выявление электоральной компетентности посадских жителей приходится производить по косвенным признакам.

В данном случае будет оценено то, насколько ясно городские тяглецы понимали механизм выборов, в какой степени они могли в связи с этим выстраивать определенные стратегии поведения.

При первом взгляде на источники может показаться, что посадское население, задействованное в выборах, не слишком хорошо понимало, чего ожидает от него центральная власть. Сплошь и рядом тяглецы выбирали в магистратские чины либо неспособных к службе людей (одиноких, больных, неграмотных), либо представляли на суд Главного магистрата недостаточное количество выборных. Однако А.А. Кизеветтер абсолютно справедливо угадывает в этом поведении не невежество, а определенную стратегию [15, с. 751–752]. Выбранные в магистратские чины выбывали из очередных служб, что отягчало и без того нелегкое положение остальных посадских жителей, и таким образом выборщики стремились сократить количество таких «выбывших». Об этом свидетельствует и то, что часто посады стремились уменьшить штат магистрата легальными способами. Так, нижегородские посадские люди в 1744 г. просили Главного магистрат об отмене выборов еще двух дополнительных ратманов «для того, что в нижегородском посаде первостатейных купецких людей малолюдство», и оттого приходится выбирать «из одного дома отцы и дети и братья едва не все, поголовно переменяя из службы в службу», отчего нижегородское купечество терпит немалое отягощение и отлучку от торгов [16, д. 338, л. 9 об – 10].

С подобным использованием выборов как коммуникативного канала с центральной властью для выражения собственного мнения или для того, чтобы обратить внимание властей на какие-либо трудности и несправедливости, мы снова

сталкиваемся, к примеру, при рассмотрении уже магистратских выборов в Москве в 1722–1723 гг. Посадские жители намеренно тянули с выбором, указывая центральной власти на то, что многие московские купцы, которые «к тому выбору весьма обретаются достойны», либо записаны в компанейщики, либо числятся как Санкт-Петербургские жители, однако живут и ведут торговую деятельность в Москве [там же, д. 47, л. 16–16 об.]. Обе эти категории городских жителей были исключены из общепосадских служб, что, очевидно, также обременяло остальных тяглецов.

При этом подчас посадские жители демонстрировали, что они ориентируются в работе механизмов государственной власти весьма неплохо. В многочисленных доношениях и челобитных, связанных с выборами, тяглецы, прежде всего, апеллируют к государственному финансовому интересу. Таким образом, они понимают, что именно для власти имеет решающее значение.

Случаи, когда в посаде разгоралась выборная борьба, особенно ярко демонстрируют, насколько ясные представления посадские жители имели о выборном процессе и связанных с ним механизмах функционирования административных структур. Так, в 1740-е гг. группа ржевских купцов, не добившись от Главного магистрата отставки неугодного ей бургомистра Василия Чюпятова, сменила стратегию и апеллировала к Соляной конторе и к архиепископу Тверскому и Кашинскому Митрофану [там же, д. 1438, л. 251]. В результате последовала отставка бургомистра. Еще один подобный пример имел место в 1740-х гг. в Белгороде, где бургомистра, которому потворствовал Главный магистрат, удалось отставить от должности лишь после того, как посадские жители обратились через голову Главного

магистрата в Сенат [там же, д. 700, л. 101 об.]. При этом в данных примерах выборщики демонстрировали не только осведомленность и гибкость в выборе стратегий, но еще и поразительное упорство: тяжба об отставке неугодного члена магистрата могла тянуться долгие годы. Однако, как уже упоминалось, в данном случае в процессе было задействовано не все посадское население, а лишь группа наиболее активных выборщиков, то и дело вовлекавших в свою орбиту остальных членов посадской общины.

Возвращаясь к вопросу об ответственности городских тяглецов за свой выбор, следует отметить, что последствия этого выбора они ощущали напрямую. Избранное ими «начальство градское» было не где-то далеко, в столице, а непосредственно рядом с ними, и имело прямое влияние на их жизнь. Если власть оказывалась в руках состоятельных и семьянистых купцов, это могло влечь за собой разнообразные злоупотребления от взимания поборов «незнаемо на какие нужды» [там же, д. 37, л. 3] и несправедливой раскладки податей [там же, д. 1438, л. 41 об.] до неправомερных арестов и прямого физического насилия [там же, д. 1020, л. 112 об. и др.]. Слабая же магистратская власть, с другой стороны, не могла в полной мере воплотить все те преимущества, которые давала сама система централизованного городского управления: сословный суд и независимое администрирование. В эти области в таком случае могли своевольно вторгаться воеводы, от чьих насилий посадские жители страдали и до создания магистратов [17, с. 238; 18, с. 99].

Итак, изучение электоральной культуры посадских тяглецов XVIII в. сопряжено с существенными сложностями. Отчасти это связано с самой спецификой функционирования Главного магистрата:

законодательные нормы оставляли для этого учреждения определенную свободу действий и возможность многие вопросы решать ситуативно. Таким образом, подчас сложно выделить единые основания функционирования городских магистратов. Кроме того, определенные ограничения накладываются на исследователя и сами источники, информация которых ограничена, а сам их список неполон.

Несмотря на все методические и методологические трудности, обращение к электоральной культуре демонстрирует интересный срез социально-политической истории города. Выясняется, что посадские жители могли весьма активно участвовать в выборном процессе и проявлять высокую осведомленность о его

механизмах, как и о связанном с выборами государственном аппарате. Однако зачастую эта активность исходила лишь от ограниченной группы внутри посадской общины. При этом электоральная деятельность посадских жителей была направлена далеко не всегда лишь на избрание подходящих кандидатов в магистратские чины. Выборы становились еще одним инструментом в стратегиях городских тягловцев, позволявших им выживать в непростых условиях, когда на плечи их ложилось непомерное количество служб и ощутимые платежи. С их помощью посадская община обеспечивала себе прямую связь с центральным учреждением для демонстрации ему тех трудностей, с которыми сталкивались посадки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. VI. № 3708. СПб., 1830.
2. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат».
3. *Куприянов, А.И.* Выборы в русской провинции (1775–1861). М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 398 с.
4. *Бардаков, А.И.* Понятие «электорат»: проблемы интерпретации // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Политология и социология. 2014. № 1. С. 5–12.
5. *Коновалов, В.Н.* Политология: краткий словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 447 с.
6. *Коршунов, А.В.* Электоральная культура как социальное явление: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003. 23 с.
7. *Сутырин, В.В.* Электоральная культура: теоретико-методологический аспект: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 208 с.
8. *Смирнова, О.Г.* Электоральная культура населения в условиях социальной трансформации российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 1999. 120 с.
9. *Белоновский, В.Н., Белоновский, А.В.* Представительство и выборы в России с древнейших времен до XVII века. М.: Приор, 1999. 272 с.
10. *Куприянов, А.И.* Электоральные культуры горожан и дворян: источники изучения (последняя четверть XVIII в.) // Жизнь и смерть в Российской империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVIII–XIX вв. М.: Индрик, 2020. С. 210–222.
11. *Погорельый, Д.Е., Фесенко, В.Ю., Филиппов, К.В.* Новейший политологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 318 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. III. №. 1675. СПб., 1830.
13. *Лыткина, К.А.* Теоретические основы изучения феномена электоральной культуры // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. № 1. С. 36–42.

14. Мазиллов, В.А. Методологические проблемы исследования электоральной активности // Известия ДГПУ. Серия: Психолого-педагогические науки. 2013. № 3 (24). С. 23–30.
15. Кизеветтер, А.А. Посадская община в России XVIII ст. М.: Университетская типография, 1903. 810 с.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф. 291 «Главный магистрат». Оп. 1. Ч. 1. Д. 37, 47, 338, 477, 503, 700, 1020, 1438.
17. Козлова, Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. 378 с.
18. Градовский, А.Д. Начала русского государственного права. Ч. 3: Органы местного управления // Собрание сочинений А.Д. Градовского. Т. 9. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 602 с.

REFERENCES

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoj imperii. Sobranie 1-e. T VI. № 3708* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1, vol. VI, No. 3708]. St. Petersburg, 1830. (in Russ.)
2. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 “Glavnyj magistrat”. (in Russ.)
3. Kupriyanov, A.I. *Vybory v russoj provintsii (1775–1861)* [Elections in the Russian provinces (1775–1861)]. Moscow, Tsentr gumanitarnyh initsiativ, 2017, 398 p. (in Russ.)
4. Bardakov, A.I. Ponyatie «elektorat»: problemy interpretacii [The Concept of «Electorate»: Problems of Interpretation], *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala Rossijskoj akademii narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii. Seriya: Politologiya i sociologiya* = Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Series: Political Science and Sociology, 2014, No. 1, pp. 5–12. (in Russ.)
5. Konovalov, V.N. *Politologiya: kratkij slovar* [Political Science: A Brief Dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks, 2001, 447 p. (in Russ.)
6. Korshunov, A.V. *Elektoralnaya kultura kak socialnoe yavlenie* [Electoral Culture as a Social Phenomenon]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philisophy). Ulyanovsk, 2003, 23 p. (in Russ.)
7. Sutyryn, V.V. *Elektoralnaya kultura: teoretiko-metodologičeskij aspekt* [Electoral Culture: Theoretical and Methodological Aspect]: PhD Dissertation (Politics). Moscow, 2013, 208 p. (in Russ.)
8. Smirnova, O.G. *Elektoralnaya kultura naseleniya v usloviyah socialnoj transformacii rossijskogo obshchestva* [Electoral Culture of the Population in the Conditions of Social Transformation of Russian Society]: PhD Dissertation (Sociology). Ekaterinburg, 1999, 120 p. (in Russ.)
9. Belonovskij, V.N., Belonovskij, A.V. *Predstavitelstvo i vybory v Rossii s drevneishih vremen do XVII veka* [Representation and Elections in Russia from Ancient Times to the 17th Century]. Moscow, Prior, 1999, 272 p. (in Russ.)
10. Kupriyanov, A.I. Elektoralnye kultury gorozhan i dvoryan: istochniki izucheniya (poslednyaya chetvert XVIII v.) [Electoral Cultures of Townspeople and Nobles: Sources of Study (The Last Quarter of the 18th Century)]. In: *Zhizn i smert v Rossiiskoj imperii. Novye otkrytiya v oblasti archeologii i istorii Rossii XVIII–XIX vv.* [Life and Death in the Russian Empire. New Discoveries in the Field of Archeology and History of Russia in the 18th–19th Centuries]. Moscow, Indrik, 2020, pp. 210–222. (in Russ.)

11. Pogorelyj, D.E., Fesenko, V.Yu., Filippov, K.V. *Noveishij politologicheskij slovar* [The Latest Political Dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks, 2010, 318 p. (in Russ.)
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoj imperii*. Sobranie 1-e. T. III. № 1675 [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1, vol. III, No. 1675]. St. Petersburg, 1830. (in Russ.)
13. Lytkina, K.A. Teoreticheskie osnovy izucheniya fenomena elektoralnoj kultury [Theoretical Foundations for Studying the Phenomenon of Electoral Culture], *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk* = Central Russian Bulletin of Social Sciences, 2016, No. 1, pp. 36–42. (in Russ.)
14. Mazilov, V.A. Metodologicheskie problemy issledovaniya elektoralnoj aktivnosti [Methodological Problems of the Study of Electoral Activity], *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Psichologo-pedagogicheskie nauki* = News of Dagestan State Pedagogical University. Series: Psychological and pedagogical sciences, 2013, No. 3 (24), pp. 23–30. (in Russ.)
15. Kizeveter, A.A. *Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st.* [Posad Community in Russia XVIII Century]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1903, 810 p. (in Russ.)
16. *Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], fund 291 “Glavnyj magistrat, inventory 1, part 1, files 37, 47, 338, 477, 503, 700, 1020, 1438. (in Russ.)
17. Kozlova, N.V. *Rossiiskij absolutizm i kupechestvo v XVIII v.: 20-e — nachalo 60-h godov* [Russian Absolutism and Merchant Class in the 18th Century: 20s — Early 60s]. Moscow, Arheograficheskij centr, 1999, 384 p. (in Russ.)
18. Gradovskij, A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava. Ch. 3: Organy mestnogo upravleniya [The Beginning of Russian State Law, part 3: Local Government]. In: *Sobranie sochinenij A.D. Gradovskogo. T. 9* [Collected Works of A.D. Gradovsky, vol. 9]. St. Petersburg, Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1908, 384 p. (in Russ.)

Гущина Дина Вадимовна, аспирантка, кафедра истории России до начала XIX века, исторический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, totedo@rambler.ru.

Dina V. Gushchina, Postgraduate Student, History of Russia Before the 19th Century DEpartment, History Faculty, Lomonosov Moscow State University, totedo@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023. Принята к публикации 07.04.2023

The paper was submitted 01.03.2023. Accepted for publication 07.04.2023